

Без предвзятости

М. Советское искусство. 2/1, 331.

Наш театр прожил 20 лет... Из этих двух десятилетий 15 лет — октябрьские годы. Конечно, самые ответственные, самые существенные для роста и развития МХТ — эти годы. Что дали нам эти 15 лет, насыщенные горячим дыханием бурной, трудной, величественной современности? Прежде всего познание самой современности и через познание — ощущение полной и вполне осознанной, нерасторжимо крепкой слиянности театра с эпохой.

Вступая в третье десятилетие и оглядываясь на пройденный путь, который шел через непроторенные тропы, через высокие перевалы, театр во всем его коллективном чувстве политической и художественной искренности хотел бы одного:

Чтобы к нему подошли без той предвзятости, которая годами мешала театральной общественности принять МХТ 2 таким, каким он есть в действительности.

Предвзятость эта заключалась в том, что на МХТ 2, даже тогда, когда его работы встречали высокую оценку, смотрели как на театр, «оторванный от современности». Между театром и эпохой почему-то хотели построить глухую стену непонимания и отчужденности. Но ведь это только — именно предвзятость, не подтверждаемая анализом и наших ошибок, и наших достижений.

Неужели мог бы театр решить труднейшую задачу исполнения пьес современной тематики с такими острыми и глубокими проблемами, как проблемы «Чудака», «Двора», «Светите, звезды», «Дело чести», «Земля и небо», если бы весь коллектив творчески не воспринимал современности и был бы глух к ее страстным голосам?

Театр, выросший на почве уче-

ния Станиславского и Немировича-Данченко, имевший таких руководителей, как Сулержицкий и Вахтангов, театр, продолжавший и углублявший первоосновы того сценического реализма, который в своей театральной правде решительно отмечает все картонное, бутафорское, приспособленческое, неискреннее и фальшивое, — этот театр, конечно, требовал и от современной драматургии подлинности, глубины, той «питательности» в искусстве, которая в глубоком социальном содержании раскрывает форму художественно убедительную. Такой подход в соприкосновении с современностью дал нам еще больше прав требовать подлинности и доброкачественности в том, что нам давал репертуар последних лет. Учасу у жизни, мы подошли к современной тематике с той предельной искренностью, на какую способны настоящие художники. Уроки наших поражений и наших побед, опыт нашей работы над раскрытием проблем эпохи были чрезвычайно ценны. Никогда бы не смог театр даже пытаться по-новому прочесть классику, если бы не прошел он через современный репертуар!

Невольно хочется привести несколько сведений чисто фактического, почти статистического характера. Вот годы 1928—1932 — пятилетка нашего театра, осуществленная в 4 года. Что за эти годы сделал театр? Он дал четыре постановки классиков: «Человек, который смеется», «Бабы», «Тень освободителя», «Униженные и оскорбленные». Каждая новая постановка говорит о стремлении создать социальные полотна все большей, и большей выразительности.

Не менее в этом смысле показателен и цикл исторических постановок. После «Митькиного царства», через «Петра» к «Генеральной репетиции».

Одна постановка отдана спектаклю для юношества (и это опять классика) — «Хижина дяди Тома» и одна западно-европейской теме — «Нашествие Наполеона». Но вот современные пьесы: «Чудак», «Двор», «Светите, звезды», «Дело чести», «Неблагодарная роль», «Земля и небо». За 4 года — 15 работ, из них 4 приходится на долю классики и 5 — советской драматургии.

Откинув предвзятость, о которой упомянуто, нужно признать, что театр со всей добросовестностью

подходил к разрешению поставленных перед ним, как перед современным театром, задач. Но повторяю, мы не могли бы жить как художники, если бы все эти работы не ставили бы перед нами самых существенных для нас вопросов: «зачем?» и «как?» «Зачем» — вскрывается в убедительности материала, «как» — в убедительности мастерства. Мы знаем по всему своему опыту, что нашего зрителя обмануть, «провести» ловким приспособленчеством, эффектной фразой и пышной, но лишенной живого содержания, схемой — невозможно.

В дальнейшем перед нами раскрываются широчайшие пути. Мы бодро вступаем на эти влекущие дороги, ибо мы верим в творческие силы нашего театра, силы той коллективной ответственности, которая всегда лежала в основе и «Студии» и МХТ 2 и к которой мы призваны самой жизнью.

Но мы обращаемся с призывом о творческой помощи ко всей советской театральной общественности и в первую очередь к боевому ее авангарду к театритике.

Отрешившись от предвзятости, театральная общественность должна подойти к нам с тем же доверием, с каким обращаем мы к ней наш призыв. Перед нами сложнейшие задачи, огромная работа — непочатый край работы. Репертуар, который определит нашу вторую пятилетку, воспитание наших кадров, которое тормозится из-за отсутствия помещения (вспомните, в какую коробочку втиснут МХТ 2!), — все это ждет поддержки и товарищеской, дружеской помощи со стороны всех, кто верит в творческие возможности нашего коллектива.

А мы верим, — верим потому, что живем в такую эпоху, когда перед нами, деятелями искусства, поставлены Советской страной широчайшие перспективы.

Всей интуицией и темпераментом художников, осознанным чувством граждан мы стремимся принять возможно близкое и непосредственное участие в этой кипучей жизни. Чувствуешь, как мало времени в сутках и как скупы календарные отрезки времени. Так много работы и никак не втиснуть ее в эти границы часов и календарей!

Мы вступаем в 21 год со страстным чувством желания жить и работать для искусства, переживающего пору своего блестящего расцвета.

Евг. ВАХТАНГОВ
в пьесе «Сверчок на печи».